

Вопросы взаимоотношений дагестанских языков с представителями других языковых семей, в частности, с арабским, тюркскими, иранскими, армянскими, грузинским, русским, всегда находились в поле зрения дагестановедов. Среди этих вопросов тюркоско-дагестанские языковые контакты занимают, на наш взгляд, особое место. Во-первых, эти контакты имеют многовековую историю; во-вторых, в процесс контактирования были вовлечены, по-видимому, многие языки (в отличие от современного состояния, когда в Северном Дагестане имеем кумыкско-дагестанские и в Южном Дагестане — азербайджанско-дагестанские контакты); в-третьих, тюркские языки служили посредником и для многих арабских и персидских заимствований. Все эти факторы обусловили начало всестороннего изучения данной проблемы с 60-х годов.

В первое время исследование ограничивалось фиксацией тюркских лексических заимствований в том или ином языке, что частично нашло отражение и в материалах сборника по проблемам тюркоско-дагестанских языковых контактов. См., например, статьи «Тюркские заимствования в чамалинском языке» (П. Т. Магомедова), «Наречия-тюркизмы в лакском языке» (Н. Ц. Маммаева), «Кумыкские лексические элементы в салатавском диалекте аварского языка» (М. Д. Саидов), «О тюркизмах в терминах животноводства в рутульском языке» (Ф. И. Гусейнова).

В целом же рецензируемые сборники наглядно свидетельствуют о переходе дагестанского языковедения от обычной регистрации тюркизмов в дагестанских языках к более углубленному анализу результатов тюркоско-дагестанских контактов.

Так, уже в первом сборнике (1982 г.), наряду с изучением заимствований на лексическом и синтаксическом уровнях, сделана попытка рассмотреть воздействие структуры азербайджанского языка на дагестанские (ср. статьи Т. П. Офендиева «О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка», Н. Д. Сулейманова «Характеристика азербайджанских фразеологических калек в агульском языке» и др.).

Удачным представляется также опыт проследить историю тюркоско-дагестанских языковых контактов хотя и на ограниченном, но все же имеющем значительный научный интерес материале XVII в. (Г. М.-Р. Оразиев «Из истории даргинско-тюркских языковых контактов»).

Наконец, в сборнике 1982 г. имеются

статьи, в которых ставятся задачи принципиального, теоретического характера. В статье Н. С. Джигдалаева «К вопросу о роли показаний топонимий в практике исследования тюркоско-дагестанских языковых контактов» на материале тюркоско-дагестанского контактирования предлагается трактовка понятий «заимствование» и «субстратное явление», показывается сложность их взаимного разграничения на конкретном языковом материале. Авторская позиция удачно иллюстрируется топонимией селения Нижний Катрух, имеющей субстратное происхождение.

Стремление к более углубленному исследованию проблем тюркоско-дагестанских языковых контактов еще рельефнее проявляется в дифференцированном подходе к целому комплексу вопросов в ряде статей сборника 1985 г. Так, на смену расплывчатой характеристике «тюркизм» в современные размышления приходит разграничение их по конкретным источникам заимствования. Методическая важность этого принципа подчеркивается в редакционной статье «Актуальные проблемы предмета тюркоско-дагестанских этноязыковых контактов»: «разграничение дагестанских тюркизмов по конкретным источникам заимствования имеет принципиальное значение. Речь идет об объективном отражении как истории контактов каждого дагестанского народа с конкретным тюркоязычным народом, так и характера этих контактов» (с. 6). Эти источники, по автору, сводятся к азербайджанскому, кумыкскому и болгарскому. Для более четкого их разграничения Н. С. Джигдалаев выдвигает конкретные критерии (фонетический, семантический, экстралингвистический). Примеры, иллюстрирующие действенность этих критериев, достаточно убедительны и надежны.

Один такой пример. При несомненном азербайджанском источнике подавляющего большинства тюркизмов в лезгинских языках не следует отказываться от поисков в них и кумыкизмов. Так, в частности, лезг. *тав* «свадебный музыкальный вечер в доме жениха» (ср. также лезг., таб. *тав-хана* «гостинная» с персидским элементом *-хана* «дом, комната, помещенье») может быть сопоставлено с кум. *отав* «богато убранная комната, предоставляемая невесте в доме мужа». Ср. также: таб. *маъ*, рут. *мае*, пах. *магъ*, арч. *май*, удпн. *май*~кум. *мий* «мозг»; лезг., таб., агул. *куц*, арч. *кус*, крыз., буд. *куц*~кум. *куц* «вид, форма».

Проблема выбора непосредственного источника заимствования решается на

конкретном материале и в других статьях сборников. К интересному выводу, например, приходят Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов по поводу происхождения социально-политического термина «чанка», восходящего в конечном счете к кит. *чжан* «старший по чину, начальник»: для дагестанских языков, по мнению авторов, это булгаризм, который (скорее всего через даргинский) попал в кумыкский, а оттуда в ногайский. В свою очередь в карачаево-балкарском языке термин «чанка» считается русизмом.

Отказ от прямолинейного, поверхностного решения вопросов влияния азербайджанского языка на лезгинский характерен для статьи А. Г. Гюльмагомедова «Фонетические элементы азербайджанского языка в лезгинском языке». Как показано в статье, возникновению фонем *о*, *ов* в куткашенских говорах последнего способствовало не только проникновение азербайджанских заимствований, но и некоторые внутриязыковые процессы, отражающиеся на качестве соседних гласных (*свах* → *сох* «коренной зуб», *mlœetl* → *mlœotl* «муха» и т. п.). Предположение А. Г. Гюльмагомедова о влиянии азербайджанского языка в случае соответствий *лI* — *кк* и т. п. требует, по нашему мнению, некоторого уточнения. Дело в том, что это соответствие затрагивает только случаи с исконными геминированными абруптивами. Таким образом, если в литературном языке признак геминированности здесь утрачен, то в говорах он сохранился, выступая в виде признака непродыхательности (преруптивности), что не присуще азербайджанскому языку.

Подобный же подход к исследуемому явлению реализован Н. С. Джидалаевым и С. З. Алихановым в статье «Генезис аварского словообразовательного элемента *-чи*». Авторам удалось показать, что вопрос, является ли авар. *-чи* исконным или заимствованным, не может быть решен однозначно, поскольку кумыкский словообразовательный суф. *-чи* в системе аварского словообразования соседствует с исконно аварским существительным *чи* «человек, мужчина», имевшим функцию, идентичную функциям тюркского суффикса (с. 51).

Вместе с тем, и задача фиксации тюркизмов в дагестанской лексике представляется нам далеко не решенной. В этом

еще раз можно убедиться, ознакомившись со статьями К. С. Кадыраджиева (1982, 1985 и др.), где отмечается тюркское происхождение целого ряда лексем, квалифицировавшихся ранее в дагестановедческих работах в качестве принадлежности исконного фонда. Ценность работ такого рода для сравнительно-исторической лексикологии дагестанских и, в частности, лезгинских языков несомненна: они позволяют более четко очертить круг лексики, унаследованной от общедагестанского состояния, и более рельефно представить динамику исторических изменений в словарном составе этих языков.

Не останавливаясь на характеристике всех статей, отметим большое теоретическое разнообразие рецензируемых книг. В этом плане сборники намечают определенную программу работ на будущее. Думается, что одной из таких перспективных задач является сопоставительное исследование тюркизмов в различных дагестанских языках, обнаруживающих как черты сходства, так и специфические особенности, что, естественно, отражает различие как в степени, так и в характере тюркско-дагестанских контактов в каждом конкретном случае. Например, в лезгинском языке имеется целый ряд тюркизмов, отсутствующих в табасаранском (*ястух* «подушка», *шалгъа* «саженец», *экке* «перец», *чумур* «лоза», *барам* «шелкопряд», *илан* «змея», *ичалат* «внутренности, потроха», *кзаргъа* «лебедь», *нехир* «стадо», *ульен* «болото», *тала* «большая нива» и др.). Нет сомнения в том, что подобное явление может быть обнаружено и в других языках.

Следует отметить удачно вписывающуюся в контекст второго сборника библиографию по проблемам тюркско-дагестанских контактов, составленную Г. М.-Р. Оразаевым. Важно, что библиография включает не только специальные работы, но и те исследования, в которых данная проблематика затрагивается лишь частично.

Актуальность анализируемых проблем и вовлечение в анализ большого фактического материала делают книги интересными для специалистов — как кавказоведов, так и тюркологов. Хочется надеяться, что за этими двумя публикациями последуют и дальнейшие издания аналогичных работ.

Загиров В. М.